

Дорогие земляки, если вы читаете этот текст и знаете меня лично, от всей души прошу вас не искать в этом произведении аналогий с существующими или существовавшими в нашей изумительной провинции людьми, с местами, явлениями. Все схожести топографических названий и имен собственных — от лености автора, все возможные совпадения профессий, характеров, внешности — абсолютно случайны. Или нет.

- И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет.
- Гм... Да ведь других нет.
- Вот никаких и не читайте.

«Собачье сердце», Михаил Булгаков

Глава 1, в которой я попал

На столе стояла бутылка дерьмового минского вискаря, который делал вид, что он похож на шотландский. Викторovich с сомнением поболтал коричневой жидкостью на дне стакана и сказал:

— Ну самогонка, как есть! Лучше бы водки взял. И огурцов соленых вместо этих оливок.

— Ладно вам... Пьем? — спросил я.

— Пьем!

Пить на рабочем месте, прямо в редакции — идея так себе. Но тут ситуация располагала. Во-первых, номер ушел в печать, посты были разбросаны по соцсетям, и рабочий день уже закончился, и даже уборщица Инночка ушла из редакции, погрозив пальцем двум дурням — молодому и старому, на которых якобы напал творческий раж, и они усиленно долбили по клавиатурам, создавая видимость работы. Во-вторых, Герману Викторovichу Белозору не продлили контракт. Из отдела сельской жизни уходила целая эпоха. Не будет больше басовитого «Та-а-а-ак!» и въедливых критических материалов, исчезнут с газетных полос исторические расследования на основании раскопанных в архивах документов о жертвах

нацистского террора и злодействах коллаборационистов... Конечно, Викторovich мог бы писать и будучи вне штата, но не станет — гонор не позволит, да и дел у него на ферме полно. Там — на охоту сходить, здесь — черники собрать...

— Ёж твою... пятьдесят лет я на них пахал, как папа Карло! — сказал Викторovich и как-то обессиленно махнул рукой. — Ни одного больничного, представляешь? Даже в коронавирусные времена! Да я восьмой десяток вот-вот разменяю, а тут любого на лопатки положу! А она говорит — пенсионер! Пора на отдых! Пигалица!

Я оглядел статную фигуру коллеги, его густую седую шевелюру, рот, полный крепких желтых зубов, и хмыкнул — это был по-настоящему великий старик! Но сказал совсем другое:

— И меня положите?

— И тебя положу. Даром что ты тоже у Лопатина занимался... Но с тобой я бодаться не собираюсь, парень ты спортивный, а у меня кости нынче медленно срastaются. Вот тридцать лет назад я бы тебя уделал одной левой, и лопатинские хватки бы не помогли.... Я и Лопатина уделывал, но тогда он попроще был... Давай еще по одной?

— Давайте... — Виски полилось в стаканы.

В-третьих, я вернулся к родным пенатам не от хорошей жизни и теперь заливал зеленую тоску. Моя московская эпопея закончилась пинком под зад, едва-едва отданным долгом, разбитой рожей и разочарованием в людях. Заработал, мать его, больших денег, как же... Но я в общем-то об этом всё не жалел. Опыт всё-таки! Писать и работать

за это время научился, теперь нужен был просто небольшой перерыв, чтобы собраться с мыслями и залечить раны — и вперед, к новым свершениям. Ну там, горы сворачивать, звездочки с неба доставать.

А Леночка и ее братец черта с два до меня сюда дотянутся — для моей бывшей всё, что дальше ста километров от первопрестольной, терра инкогнита! Она однажды спросила, далеко ли от моей Дубровицы до метро? Я сказал, что до Чернобыля раз в двадцать ближе, так девушка обиделась — думала, что издеваюсь. Братец ее — Степан наш Витальевич, уродился такой же ограниченный, даром что коммерческий директор... Но девочка была чистенькой, приятной и очень симпатичной, а еще — никогда особенно не пыталась залезть в душу, ограничиваясь приятным времяпрепровождением. А Степушка позволял мне на работе хоть ноги на стол закидывать или не приходить вовсе — главное, чтобы у материалов охваты были хорошими, и выходили они своевременно. Наш портал с корпоративными новостями пользовался некой популярностью даже на городском уровне, и, кажется, в этом была львиная доля моей работы. Я почти поверил в счастливое будущее, когда милая Леночка на моей служебной машине разнесла чей-то «гелик» на парковке перед офисом. Убоявшись проблем с хозяином тачки, братик и сестричка не нашли ничего лучше, кроме как спихнуть сие деяние на меня. В общем — те типы из охранного агентства, которому принадлежала машина, разбили рожу мне, а я — Степушке.

Но деньги пришлось отдавать... И валить из Москвы в родную Беларусь, на самую ее периферию, в объятия дубрав и днепровских круч.

— Слушайте, Викторovich, вы ведь охрентельный журналюга, — после трех порций меня разобрало на откровенность. — Вы что, вот так и просидели в сраной Дубровице, в редакции районки всю жизнь? Вам никогда не хотелось чего-то изменить? Прорваться наверх, в конце концов — стать богатым и знаменитым?

— Дык! — сказал Белозор. — Почему нет? Я ведь тоже — вот так вот, как ты, ездил в Москву, в архивы — и такого там нарыл... Книгу готовил к печати! В семьдесят восьмом году вернулся — с большой головной болью и серьезным таким предупреждением, понимаешь ли... Мол, полез не туда.

— А куда полезли?

— Плюнь и разотри. Не стоит оно того... Был бы ты в моей шкуре — понял бы. А так объяснить — не объяснишь.

Мы выпили еще, закусили нелюбимыми Германом Викторovichем оливками, и салями, и ржаными хлебцами.

— Это выходит — я вас подсидел? Вас сокращают, а меня, молодого — берут? — наконец выдал я тревожащую меня мысль.

— Кх-х-х-х... Не-е-ет, даже не думай о такой ерунде. Никого ты не подсидел. Была тут одна, да забухала. Материалы сдавать перестала, переругалась со всеми... Ее вроде как даже уговаривать пытались вернуться на путь истинный, но

без толку. Так что плюнь! Ты для редакции — находка! Первый день на работе, а интернет весь твой. Сайт, телега, одноклассники, что там еще... Не мне, старику, тебе рассказывать. Она на тебя этот кусок работы живо спихнет. Нам как раз не хватало заведующего интернет-отделом, посмотришь — и двух дней не пройдет, как приказ подпишут... Знаю, знаю — ты больше по району побегать любишь, чем в комп очи лупить. Но есть у меня чуйка, что такова твоя судьба на ближайший год. Увяз коготок — всей птичке конец!

Я горестно взялся за голову:

— Давайте ещё выпьем, что ли? — В конце концов, мне хотелось отсидеться — вот вам пожалуйста, отсиживайся на здоровье, только геморрой не насади.

Государственная пресса в обожаемой синеокой республике — это кухня особая. А региональная пресса и вовсе — отдельная секта. И старый опытный сектант — Герман Викторович Белозор — мог о многом поведать вечно молодому и вечно перспективному мне. И — поведал, постоянно сбиваясь на истории из своей молодости. Он хвалил Машерова и ругал Горбачева, скрипел зубами, вспоминая Чернобыль, и матерился, говоря об Афгане. Идейным коммунистом Белозор не был, но Советский Союз искренне любил, а потому говорил о нем долго и увлеченно.

— Квартиру без кредитов, а? Дополнительные метры за то, что журналист — как тебе? Образование — бесплатное! В санаторий по путевке — бесплатно!.. И знаешь что? Вот сейчас ты меня

поймешь... Народ поумнее был. Читал народ, понимаешь? И в шахматы играл! А сейчас что?..

Он по-стариковски принялся хаять смартфоны и зомби, залипающих в экран, а я достал свой гаджет и начал доказывать, что не все, кто пользуется техникой, идиоты. Я, например, книжки электронные читаю и работу работаю! Конечно, скатились и на политику, и на развал Союза, и на застой, и на партократию... И я пошел еще за одним вискарем.

* * *

Стук в дверь был резким, требовательным — как будто кто-то вбивал мне в голову раскаленные гвозди. Я попытался открыть глаза, и веки с трудом подчинились: первое, что я увидел, была гладкая поверхность письменного стола, а второе — небольшой бюст Ильича на стопке бумаги. Вот-те здрасте!

В дверь снова постучали. Я со стоном привел тело в вертикальное положение и тут же уронил лицо на ладони. Это ж надо было уснуть за столом в кабинете! Всё тело ломило, спина болела, ноги затекли, а во рту было ощущение настолько паскудное, что казалось, будто там кто-то сдох. Ленин! На кой черт Викторович притащил мне этого Ленина? И что это за бумаги?

Каллиграфическим почерком Белозора на первой странице бумажной стопки значилось: «СЕКРЕТЫ ФАНЕРНОГО ПРОИЗВОДСТВА». Та-а-акс, и какого черта он это мне на стол положил, и почему у ребят на верстке не распечатал, а корячился от руки?

— Гера, ты на работе? — голос был молодым, женским и весьма приятным.

Пока я пытался сфокусировать взгляд на двери и понять, почему она покрашена белой краской и откуда взялась дверная ручка такой архаичной конструкции, в кабинет вошла весьма примечательная особа лет двадцати пяти — тридцати. Даже утренний бодун начал постепенно проходить! Аккуратные туфельки на невысоком каблучке, стройные загорелые ножки, легкое летнее льняное платьице, шнуровка, только подчеркивающая приятных обводов бюст крепкого второго размера, русые волосы, стриженные под каре... А еще — серые глаза, легкий румянец, чуть вздернутый носик и всё остальное, что делает белорусок такими уютными и привлекательными. Наконец, мой медленно ползущий по ее фигуре взгляд остановился на лице неожиданной гостьи. Брови девушки были нахмурены!

— А-а-а-а, так ты тут! Фу, открой окно! — тут же наморщила она носик. — Ты что — пил?

Ее взгляд переместился под стол, я волей-неволей проследил за ним и сглотнул: вместо бутылок из-под вискаря там тихо-мирно располагалась коньячная ёмкость с надписью «Двин». Вот это было уже страшновато — коньяк? Откуда в моем кабинете коньяк, я его на дух не переношу! Я что, догонялся третий раз?

— Гера, крутись как хочешь, но планерка через двадцать минут у шефа в кабинете, и мы очень ждем в номер твой материал по ПДО, — она развернулась на каблучках, и подол платья, взметнув-

шись чуть выше приличного уровня, обрисовал очертания ее крутых бедер.

«Арина Петровна, ответственный секретарь», — мелькнула в голове мысль-узнавание. И вдогонку — фамилия: Езерская. Какая, на хрен, Езерская? Ответственным секретарем в нашей районной газете «Маяк» (между прочим, самой успешной в области, благодаря всё тем же соцсетям, будь они неладны) была Виктория Якимович, интеллигентная женщина возраста постбальзаковского, а не какая-то Езерская с загорелыми ногами!

Дверь, захлопнутая Ариной Петровной, грохнула, на пол упал кусочек штукатурки. Штукатурки? Мой кабинет, обитель отдела городской жизни, был обклеен довольно дурацкими однотонными салатовыми обоями, и натяжные потолки установили давно, еще до первого моего контракта в редакции... Это, черт его дери, был НЕ МОЙ КАБИНЕТ и НЕ МОЯ РЕДАКЦИЯ!

Я обхватил голову руками и аж подпрыгнул — на голове моей буйным цветом колосились приличной длины волнистые волосы! После коньяка это стало вторым тревожным звоночком: я всегда стригся коротко, чтобы не заморачиваться с прическами и шампунями... А тут — такая шевелюра!

Глаза мои широко раскрылись, и наконец, осознание всей невероятности ситуации, в которой я оказался, пришло полной мерой. Или это была дурацкая шутка, типа розыгрышей от какого-то телеканала или крутого блогера, или я сбрендил. Отодвинув мерзко скрипнувший неудобный стул

(и где мое замечательное мягкое компьютерное кресло?), подошел к зеркалу, отметив на ходу, что наряжен в ненавистные брюки со стрелками, тенниску и лакированные штиблеты (дичь какая). В этих клятых штиблетах ноги распухли и ныли нещадно.

Зеркало висело на том же месте, и шкафы стояли там же, только выглядело всё так, как будто обстановку перенесли сюда из квартиры моей бабушки. «ПДО, — мелькнуло в голове. — Дубровицкие предприятия деревообработки. Фанерный цех, завод ДСП, мебельная фабрика. Мебель — наша, дубровицкая».

Да и хрен бы с ней, с мебелью! Из зеркала на меня смотрел молодой мужчина — крепкий, широкоплечий, высокий, с чуть грубоватыми, рублеными чертами лица, пышной каштановой шевелюрой, неопрятной щетиной и опухшими глазами. Не красавчик, но в целом парень видный. Он и в семьдесят был мужиком что надо. И звали его Герман Викторович Белозор.

Говорят, во сне человек не может отражаться в зеркалах и читать книги дальше третьей страницы. Брехня! Мое воображение порой позволяло прочесть от корки до корки какой-нибудь буклет и увидеть у себя прыщи на носу в отражении в витрине магазина — и при этом не проснуться. Ну да, сны мне порой снились дикие и очень, очень реалистичные, но это вовсе не походило на сон!

Календарь с названием нашей газеты я увидел в зеркале, у себя за спиной, и тут же резко обернулся.

— Листья дубовые падают с ясеня, — сказал я голосом, который был на тон ниже моего. — Вот ни хрена себе, так ни хрена себе!

20 мая 1979 года — вот что там значилось в этом убудочном календаре крайне низкого полиграфического качества!

* * *

На меня снизошло ледяное спокойствие. Раз я допился и сбрендил, и сейчас нахожусь в Макановическом психоневрологическом диспансере под капельницами, в отключке, то время стоит провести с пользой. В конце концов, мне и во сне иногда удавалось управлять ходом событий — правда, недолго! Почему бы не вжиться в шкуру рожденного воспаленным рассудком виртуального персонажа — Германа Викторовича Белозора? Что там говорила Арина Петровна с загорелыми ножами? Планерка? Сходим и на планерку...

Я вышел из кабинета и направился в мужской туалет. Планировка редакции за пятьдесят лет не изменилась, а вот интерьеры очень даже. Особенно бесила криво наляпанная штукатурка, с такими выступающими застывшими каплями, об которые запросто можно стереть кожу в кровь. Сантехника меня уже не удивила: обычный кран с барашками, на которых были отколупаны красная и синяя пластмассовые нашлепки и виднелись крышечки болтиков. Горячей воды у нас не текло и в двадцать первом веке, так что смысл этих нашлепок и вправду терялся. А вот бачок туалета был задран чуть ли не под самый потолок, и слив